

УДК 323.22/.28:328.18:321.011.5

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ
ВНЕПАРЛАМЕНТСКОЙ ОППОЗИЦИИ В РОССИИ И УКРАИНЕ**

© 2014 г.

*С.С. Боева*Институт социальных наук
Одесского национального университета им. И.И. Мечникова, Украина

boeva83@inbox.ru

Поступила в редакцию 23.04.2014

На основе сравнительного анализа функционирования внепарламентской оппозиции в Украине и Российской Федерации обосновано, что внепарламентская оппозиция является показателем степени зрелости гражданского общества, важным актором политических и социальных трансформаций, определяет ход процесса демократизации общества и т.д.

Ключевые слова: внепарламентская оппозиция, плюрализм, демократизация, политический процесс, выборы, политический режим.

Сегодня мы можем наблюдать активизацию деятельности внепарламентских сил в странах постсоветского пространства. В связи с этим представители отечественного и зарубежного обществоведения всё больше внимания уделяют роли оппозиционных политических сил, выполняемой ими в процессе демократического транзита конкретной политики. Особый интерес в этом отношении представляют два наиболее крупных государства Восточной Европы – Россия и Украина. Плюрализм мнений в трактовке важности и актуальности рассматриваемой проблемы демонстрируют российские политологи. Так, В. Гельман и Т. Ворожейкина утверждают, что настоящей оппозиции, отстаивающей план системных преобразований страны, в России не существует [1, 2]. Напротив, М. Максимов, Д. Рябчикова, М. Молокова, Н. Медведев и А. Борисенко, признавая важность такого явления, как внепарламентская оппозиция, анализируют ее цели и приемы деятельности. М. Максимов особое внимание уделяет несистемному движению [3]. Д. Рябчикова, рассматривая в своей статье внепарламентские силы, составила временную шкалу развития оппозиционных сил, проанализировала деятельность современных внепарламентских движений в РФ [4]. М. Молокова изучает становление оппозиционных партий в России, где анализирует и парламентские, и внепарламентские партии [5]. Н. Медведев, А. Борисенко детально охарактеризовали деятельность внепарламентских сил в политическом пространстве современной России [6].

Интересную интерпретацию функциональной роли оппозиции в целом и внепарламентской оппозиции в частности предложил российский исследователь О.Ф. Шабров. Развивая тео-

рию политической кибернетики и системного анализа, О. Шабров наделяет оппозиционные силы ролью адаптера политической системы. Этот «адаптер», по мнению учёного, работая на «входе» управленческой системы, артикулирует и агрегирует интересы и требования тех групп электората, которые «не вписываются» в существующий институциональный дизайн народного представительства, отвечая на сигналы извне [7]. С учетом данных функций становится возможным выявление степени референтности политической системы, ее адаптированности к вызовам внутренней и внешней социальной среды.

В украинской политической науке до событий конца 2013 года подавляющее большинство исследователей основное внимание уделяли проблеме парламентской оппозиции, упоминая о внепарламентской её разновидности лишь вскользь, описывая ее как инвариант политической оппозиции в целом. Так, например, Н. Винничук в своей классификации выделила виды оппозиции, тем самым затронув и феномен несистемной оппозиции [8]. М. Михальченко рассматривает не только парламентскую оппозицию, но и понятие оппозиции в целом, анализируя и внепарламентские силы [9].

О специфике понимания роли внепарламентской оппозиции в ходе трансформационных преобразований на постсоветском пространстве украинским научным сообществом свидетельствует тот факт, что даже широко-масштабные исследовательские проекты оказались не в состоянии адекватно оценить её мобилизационный потенциал. Так, например, Центр А. Разумкова и Лаборатория законодательных инициатив провели основательные эмпирические исследования по деятельности оп-

позиции, анализируя ее функционирование, электорат, цели парламентских и непарламентских партий. Вместе с тем абсолютно неожиданным стал парламентский успех 2012 г. такого «внесистемного» националистического проекта, как Всеукраинское объединение «Свобода». На основании данных фактов автор статьи считает необходимым указать на отсутствие комплексных, системных исследований данного актора политических процессов на постсоветском пространстве в целом и в Украине в частности.

Переходя к изложению основного материала статьи, следует отметить, что долгое время исследователи (по большей части – зарубежные) причисляли политический режим Украины к разряду «гибридных», характеризуя его, в лучшем случае, как «частичную демократию», а в худшем – как «состязательный авторитаризм». Ежегодные обзоры Freedom House в начале 2000-х годов относили Украину (как, впрочем, и Россию – до 2004 г.) к «частично свободным» странам, не демонстрирующим ни существенного прогресса, ни регресса в отношении политических прав и свобод граждан.

Справедливости ради надо отметить, что политические режимы указанных государств, выделяясь на фоне «чистых» демократий и диктатур, различаются и между собой. Здесь полезно обратиться к моделям «доминирующей власти» и «аморфного плюрализма», введенным в научный оборот Т. Карозерсом [10, с. 37]. В первом случае ключевым элементом политического режима выступает доминирующий актор, способный реализовать свои цели без устойчивой кооперации с другими игроками; во втором (в силу высокой фрагментации акторов) – никто из них не в состоянии занять доминирующую позицию. Совершенно очевидно, что Россия после 2000 г. может служить примером модели «доминирующей власти». Украина же на протяжении всего постсоветского периода остается страной «бесформенного плюрализма». Эти фундаментальные особенности «политических матриц» рассматриваемых политий послужили, в том числе, и источниками различий, отмечаемых в деятельности внепарламентской оппозиции России и Украины.

Применительно к периоду начала 2000-х гг., как следствие «консервативной консолидации» политического класса России, в отношении влияния внесистемных оппозиционных сил можно говорить о снижении их функциональной эффективности. Максимально полно отвечая социальному запросу на установление «порядка», правящая элита страны предприняла и ряд новаций, направленных на укрепление своего властного статуса (увеличение проходного

барьера в Государственную думу, переход к пропорциональной системе выборов). В свою очередь, действия оппозиции были достаточно разрозненными и нескоординированными. В лагере оппонентов официальному курсу, перешедших из системной в несистемную оппозицию, фиксировалось отсутствие единого плана действий. Наиболее влиятельные партии («Яблоко», СПС) лишь «дробили» электорат, лишая себя возможности преодоления избирательного барьера. В левом лагере (КПРФ) наблюдалось ослабление критики власти, активизация деятельности только в предвыборный период. Как отмечает американский политолог Р. Даль, «насколько конкурентоспособна оппозиция, частично зависит от того, насколько она сконцентрирована» [11, р. 336]. Действительно, одним из наиболее заметных итогов первого президентского срока В. Путина в целом и электорального цикла 2003–2004 годов в частности стало исчезновение или, по меньшей мере, резкое снижение политического влияния всех политических сил, претендующих на роль оппозиции политическому режиму и/или политическому курсу президента и правительства Российской Федерации.

В указанный хронологический период в Украине, наоборот, наблюдается всплеск оппозиционной (преимущественно – внепарламентской) деятельности. В 2000–2001 гг. как результат раскола элит проведена кампания протестов «Украина без Кучмы» (УБК), поводом к началу которой явилось исчезновение журналиста Г. Гонгадзе и обвинение действующего президента страны Л. Кучмы в причастности к этому. Инициаторами УБК выступили многочисленные «общественные деятели», поддержанные организациями «третьего сектора». Требованиями УБК были отставка президента Л. Кучмы, министра внутренних дел, председателя Службы безопасности Украины и генерального прокурора. Участники протестов не поддержали ни одного из претендентов на пост президента, но выступили за изменение системы социальных, экономических и политических отношений в Украине. Отдельным требованием стала ликвидация системы «президентского авторитаризма» и переход к парламентской республике. Акцию «Украина без Кучмы» поддержали 24 политические партии и общественные организации, в их числе партия «Собор», Украинская республиканская партия, партия «Реформы и порядок», УНА-УНСО, Украинский Коммунистический союз молодежи, Всеукраинская партия трудящихся и другие, как праворадикальные, так и левые партии. Добившись частичных уступок власти, движение сошло на нет.

Новое политическое обострение произошло в середине 2002 года, когда все противники Л. Кучмы сумели объединиться в единый блок. Четыре политические партии – «Наша Украина» (партия В. Ющенко), «Батькивщина» (партия Ю. Тимошенко), Социалистическая и Коммунистическая партии возглавили антипрезидентскую кампанию под лозунгом «Восстань, Украина!». 15–16 сентября 2002 года в Киеве происходили настоящие уличные бои между участниками уличных акций и силами правопорядка. Участники митинга требовали отставки президента и «его ставленников на местах». Также выдвигались требования о формировании правительства народного доверия и создании парламентско-президентской республики. Как подчеркивает американский философ, политолог Х. Арндт, «гражданское неповиновение возникает тогда, когда значительное число граждан убедились, что нормальные каналы изменения больше не функционируют, и жалобы не будут услышаны, что, вопреки, правительство сохраняет модели действия, в которых законность и конституционность открыты для серьезных сомнений» [12, р. 74].

Обе акции справедливо можно интерпретировать как своеобразный пролог к событиям Оранжевой революции ноября 2004 года. Они же заложили и основу сценария развёртывания политического кризиса не столько в структурах народного представительства (Верховная рада Украины), сколько в формате уличных акций гражданского неповиновения – «Майдан». В качестве объяснительной системы для данной ситуации можно, с определёнными оговорками, принять концепцию В. Гельмана, согласно которой специфика внепарламентской оппозиции в Украине порождена следующими факторами:

1) неустрашимый по принципу «игры с нулевой суммой» конфликт как на уровне фрагментированных элит, так и на массовом уровне;

2) неспособность гибридного режима обеспечить преемственность власти, минуя конкурентные выборы;

3) относительное равенство сил участников электорального конфликта, затруднявшее ограничение политической конкуренции;

4) массовая протестная мобилизация оппозиции, осложнявшая силовое разрешение конфликта;

5) влияние внешней среды (в т.ч. через принуждение к переговорам и повышение репутационных издержек) на выбор противоборствующими сторонами моделей поведения и на характер разрешения конфликта [10, с. 45].

Кумулятивным эффектом указанных особенностей стала способность внепарламентских

сил выступить источником политических трансформаций в стране. По мнению американского политолога Д. Шарпа, одной из характеристик демократического общества является существование неправительственных групп и институтов, независимых от государства. Самым мощным существующим средством для борцов за свободу есть политическое неповиновение или ненасильственная борьба [13].

В отличие от Украины, в России в период 2004–2005 гг. наблюдался спад деятельности внепарламентских организаций. Разрозненность в лагере оппозиционных сил обеспечивала ослабление позиций неконформистских групп, снижала их мобилизационную способность, выводила из числа «адаптеров» российской политической системы.

Тем не менее на политическую арену страны постепенно выходили новые внепарламентские силы. Так, в 2005 году создается общественное движение Объединенный гражданский фронт во главе с Г. Каспаровым, выступающий в защиту демократических свобод. Активизирует свою деятельность Национал-большевистская партия с лидером Э. Лимоновым. В 2006 году (в период проведения саммита «Большой восьмёрки») в Москве под эгидой Всероссийского гражданского конгресса состоялась всероссийская конференция «Другая Россия», положившая начало общественному объединению. В этом же году в Москве прошла первая объединённая акция «Другой России» — «Марш несогласных». С 2009 года появилась «Стратегия-31», которая стала акцией протеста граждан в защиту 31-й статьи Конституции РФ. Можно было наблюдать возникновение ряда других организаций – Солидарность, ПАРНАС и т.д.

Большую популярность приобрел оппозиционный политик А. Навальный, который является соучредителем национал-демократического движения «Народ». А. Навальный отмечал, что национализм является одним из ключевых пунктов, определяющей идеологией движения, и сам относит себя к русским националистам.

Пиком активизации российской оппозиции стал 2011 год – год выборов в Государственную думу. Проходили акции антиагитации против партии «Единая Россия», интернет-дебаты с известными оппозиционерами, интернет-голосования. Но, несмотря на действия оппозиции, по результатам выборов наибольшее количество голосов набрала партия «Единая Россия». Кроме того, в парламент прошел традиционный «политический пул» – КПРФ, «Справедливая Россия» и ЛДПР, обозначив тем самым низкую степень вероятности конвертации внепарламентских оппозиционных сил в собственно

парламентские. Как отмечает российский исследователь проблем посткоммунистических трансформаций Г.И. Ванштейн, в России многие лидеры неправительственных объединений по инерции, сформировавшейся еще в условиях авторитарного общества, «исходят из представления о том, что борьба за гражданское общество должна быть одновременно борьбой против государства и что для укрепления гражданского общества и усиления его роли в общественно-политической жизни необходимо соответствующее ослабление влияния государственной власти» [14, с. 99].

Важно отметить, что внепарламентская оппозиция в России на современном этапе активно включает в свой арсенал многие «изобретения» своих украинских коллег. Так, знаменитое народное собрание на Болотной площади, с точки зрения автора статьи, типологически приближено к украинской модели «Майдана», хотя и не сопровождалось возведением баррикад и длительным «стоянием». Общим трендом деятельности внепарламентских политических проектов является активная апелляция к молодежи с использованием социальных сетей, флеш-монов и прочих акций «хэппининга».

Вместе с тем, при достаточно скромных результатах воздействия российской внепарламентской оппозиции на политическую среду, в Украине можно наблюдать полностью противоположный результат. Если российская политическая система обладает высокой степенью резистентности ко всякого рода неконформистским импульсам, тем самым принуждая недовольных играть по правилам (сколь бы консервативными они ни являлись), то в Украине в последнее время происходит активная девальвация парламентских структур под влиянием «революционного творчества» масс.

По результатам выборов в парламент 28 октября 2012 года в Верховную раду прошли такие оппозиционные силы, как: партия «УДАР» (лидер В. Кличко) и Всеукраинское объединение «Свобода» (лидер О. Тягнибок). Анализируя причины успеха последних, немецкая *Sueddeutsche Zeitung* считает, что «многие украинцы – чуть ли не каждый десятый – ставят на «новую-старую» карту национализма» [15]. При этом важно учитывать, что эта партия и в стенах законодательного органа активно использует методы «уличной политики», оставаясь по сути своей такой же внесистемной, какой была и до 2012 года.

Таким образом, анализируя деятельность российской и украинской внепарламентской оппозиции, можно выделить некоторые общие черты: они являются носителями политических

изменений в обществе, имеют межрегиональный, сетевой характер, активизируют политическую деятельность граждан. Но российские внепарламентские силы не организованы, не имеют большого влияния на правительство и правительственные решения, не предлагают четкой альтернативной программы. Исходя из общего хода политического процесса, мы можем отметить тенденцию консервативной консолидации со стороны власти в России, а также ослабление как внешнего, так и внутреннего потенциала оппозиционных сил. Со стороны украинской власти также наблюдается применение жестких мер контроля за деятельностью оппозиции. Тем не менее все эти попытки нивелируются активным привлечением оппозиционерами массовых субъектов политического процесса для защиты своих идеалов и реализации целей.

Из приведённого (чрезвычайно краткого по своим масштабам) сравнительного анализа деятельности внепарламентской оппозиции в Российской Федерации и в Украине становятся очевидными следующие выводы:

1. Различия в результативности деятельности оппозиционных политических сил в двух странах обусловлены фундаментальными характеристиками социальных сред, в условиях которых она разворачивается.
2. Внепарламентские оппозиционные силы в Российской Федерации лишь в определённой мере могут претендовать на роль адаптера политической системы общества. В Украине их влияние ощущается на порядок сильнее, хотя оценка деятельности по шкале «адаптация – дезадаптация» остаётся дискуссионной.
3. Деятельность внепарламентской оппозиции в России на протяжении начала 2000-х гг. послужила одним из факторов консервативной консолидации режима, в Украине же она стимулирует девальвацию парламентских структур и методов согласования конфликтов.

Список литературы

1. Гельман В. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // *Полис*. 2004. № 4. С. 52–60.
2. Ворожейкина Т. Стабильна ли нынешняя Россия? // *Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации* / Под ред. Т. Заславской. М., 2003. С. 125.
3. Максимов М. Политические аспекты стратегии и тактики современного антисистемного движения // *Полис*. 2008. № 4. С. 140–147.
4. Рябчикова Д. Современная российская оппозиция: виртуальность или реальность? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hse.ru/mag/27364712/2011--9/37488550.html> (дата обращения 19.03.2013).

5. Молокова М. Становление и развитие оппозиционных партий в современной России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/338/image/338-057.pdf> (дата обращения 19.03.2013).
6. Медведев Н., Борисенко А. Несистемная оппозиция. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/nesistemnaya-oppozitsiya-v-politicheskom-prostranstve-sovremennoy-rossii> (дата обращения 19.03.2013).
7. Шабров О. Политическое управление: проблема стабильности развития [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.shabrov.info/Poplurp/titul.htm>
8. Вінничук Н. Типологія політичної опозиції // Політичний менеджмент. 2007. № 3. С. 51–59.
9. Михальченко М. Позиції опозиції. Хто є хто в Україні// Віче. № 3. 2002. С. 3–11.
10. Гельман В. Уроки украинского // Полис. 2005. № 1. С. 36–49.
11. Dahl R. Political Oppositions in Western Democracies. New Haven and London: Yale University Press. 1966. 458 p.
12. Arendt H. Crises of the Republic. London. 240 p.
13. Шарп Д. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/sharp.html>
14. Вайнштейн Г.И. Гражданское общество и власть. Проблемы концептуализации // Проблемы становления гражданского общества в России. Материалы научного семинара. Вып. 2. М., 2003.
15. Эти выборы закрыли Украине дорогу на Запад – зарубежные СМИ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nbnews.com.ua/news/63948/> (дата обращения 19.03.2013).

COMPARATIVE EVALUATION OF THE MODERN NON-PARLIAMENTARY OPPOSITION IN RUSSIA AND UKRAINE

S.S. Boeva

Based on a comparative analysis of the functioning of non-parliamentary opposition in Ukraine and the Russian Federation, the author proves that non-parliamentary opposition is an indicator of civil society's maturity. It is an important actor in the political and social transformations that determines the course of society's democratization, etc.

Keywords: non-parliamentary opposition, pluralism, democracy, political process, elections, political regime.

References

1. Gel'man V. Politicheskaya oppozitsiya v Rossii: vmirayushchij vid? // Polis. 2004. № 4. S. 52–60.
2. Vorozhejkina T. Stabil'na li nyneshnyaya Rossiya? // Kuda prishla Rossiya? Itogi societal'noj transformacii / Pod red. T. Zaslavskoj. M., 2003. S. 125.
3. Maksimov M. Politicheskie aspekty strategii i takтики sovremennogo antisistemnogo dvizheniya // Polis. 2008. № 4. S.140–147.
4. Ryabchikova D. Sovremennaya rossijskaya oppozitsiya: virtual'nost' ili real'nost'? [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.hse.ru/mag/27364712/2011--9/37488550.html> (data obrashcheniya 19.03.2013).
5. Molokova M. Stanovlenie i razvitie oppozitsionnyh partij v sovremennoj Rossii. [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/338/image/338-057.pdf> (data obrashcheniya 19.03.2013).
6. Medvedev N., Borisenko A. Nesistemnaya oppozitsiya. [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/nesistemnaya-oppozitsiya-v-politicheskom-prostranstve-sovremennoy-rossii> (data obrashcheniya 19.03.2013).
7. Shabrov O. Politicheskoe upravlenie: problema stabil'nosti razvitiya [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.shabrov.info/Poplurp/titul.htm>
8. Vinnichuk N. Tipologiya politichnoy oppozitsii // Politichnij menedzhment. 2007. № 3. S. 51–59.
9. Mihal'chenko M. Pozitsii oppozitsii. Hto є hto v Ukraïni// Viche. № 3. 2002. S. 3–11.
10. Gel'man V. Uroki ukrainskogo // Polis. 2005. № 1. S. 36–49.
11. Dahl R. Political Oppositions in Western Democracies. New Haven and London: Yale University Press. 1966. 458 p.
12. Arendt H. Crises of the Republic. London. 240 p.
13. Sharp D. Ot diktatury k demokratii. Konceptual'nye osnovy osvobozhdeniya [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://psyfactor.org/lib/sharp.html>
14. Vajnshtejn G.I. Grazhdanskoe obshchestvo i vlast'. Problemy konceptualizacii // Problemy stanovleniya grazhdanskogo obshchestva v Rossii. Materialy nauchnogo seminar. Vyp. 2. M., 2003.
15. Ehti vybory zakryli Ukraine dorogu na Zapad – zarubezhnye SMI. [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://nbnews.com.ua/news/63948/> (data obrashcheniya 19.03.2013).